

Чистяков П.С. —

ПОЭЗИЯ В ЖИЗНИ Л.В.КИРЕНСКОГО

Жизнь Л.В.Киренского является примером того, как человек за свою, в общем-то короткую жизнь, может сделать многое, если цели его жизни гармонически сочетаются с действиями и поступками, удача — с огромным напряжением духовных, умственных и физических сил, если убежденность человека и верность своей мечте находятся в гармоническом единстве с колоссальной работоспособностью.

В деятельности этого человека, многогранного по своим интересам, можно выделить несколько сторон. Правда, это разделение несколько искусственно, потому что в жизни все

было иначе. В жизни все эти стороны были переплетены и взаимосвязаны.

Тем не менее, мы говорим о Леониде Васильевиче как о выдающемся ученом, талантливом организатором науки, педагоге, общественном и государственном деятеле. Эти стороны его жизни в большей или меньшей степени известны.

Говорят, что миру знаний необходимы чувства. Наука нуждается в чувствах. А представление об ученом, как человеке, чуждом муз, было и будет еще не раз опровергнуто. Жизнь и деятельность Л.В.Киренского яркий пример этого.

Помимо науки была у этого человека еще одна пламенная непреходящая страсть, значительно обогатившая его жизнь, украсившая ее, страсть, которая сделал Леонида Васильевича таким, каким мы его все знали. Этой страстью явилась поэзия. Я имею в виду не только то, что он любил поэзию, у него были свои любимые поэты — Лермонтов, Драверт, Есенин.

Говоря о поэзии, как страсти Леонида Васильевича, я имею в виду еще и то, что Леонид Васильевич сам писал стихи на протяжении всей своей жизни, начиная с детских лет.

Поэтический архив Л.В.Киренского /если его можно так назвать/ не богат. Сохранилось несколько десятков стихотворений. В большинстве случаев они разбросаны по записным книжкам. Часто это торопливые строчки на случайных листах, записи на книжных переплетах, иногда в письмах. Дополнительно к этому сохранилось несколько разрозненных страниц мемуарного плана, попыток размышления над прожитой жизнью.

В одной из них мы читали: "Если ты сможешь не писать, не пиши! — эти слова великого художника, эти слова я всегда внушал себе, внушал долго, терпеливо. Но сердце хотело петь, оно хотело петь о моей проиденной жизни и эти слова сильнее меня"

О песни! Снова мне не спится,
Я вас забыть хотел давно,
Но вы крылом голодной птицы
Опять стучитесь мне в окно.

Я влобе бешеной покорный
Захоронил вас в глубь земли,
А вы свои пустили корни
Цветами пышно расцвели.

И одержимый мыслью черной,
Судьбу безжалостно кляня,
Я вас швырял в костер огромный,
Но вы вставали из огня.

"И верно, — продолжает далее Леонид Васильевич, — сколько же строк сожжено, сколько же развеяно ветром! Сколько мыслей и чувств похоронено в пучине огромных сибирских рек, на склонах диких сопок, на таежных дорогах Якутии. Сколько звонких песен заглушил шум огромного города, жить осталось немного, соберу ли я их?"

Жизнь каждого человека начинается с безмятежного детства. Раннее детство Лени Киренского прошло в Амге — старинном сибирском селе, затеряншемся среди бесчисленных рек и озер, среди необразимой тайги далекой Якутии.

Когда деревенские мальчишки забирались на высокую церковную колокольню, их взору открывалось изумительное зрелище: внизу серые ледяшки крестьянских изб, длинной вереницей растянувшиеся вдоль берега, справа зеленый бархат пашен — широкая долина, окаймленная могучими лиственницами, слева голубая лента Амги, а за ней синие от лиственниц горы.

"Дорогая Галя, — писал Леонид Васильевич сестре Петуховой Галине Васильевне 18 июля 1969 г. из Усть-Нарвы, —

прости, что так долго не откликнулся на твое большое и, в общем-то грустное письмо, с годами детство — и ты в этом прав — всплывает в воспоминаниях все более и более ярко, сейчас, когда я вижу сотни полторы квадратных метров, окруженных проволочной сеткой, за которой играют полсотни ребятшек, мне становится не по себе, ведь огромный двор Амгинской больницы и все за этим двором — все было наше, необычное и зеленое”.

Живописная природа Якутии : прекрасная в своей простоте и суровости, белизна снежных равнин и сугробов, свежая зелень травы в лучах утреннего солнца, яркие живые ковры полей, буйно расцветающие за короткое якутское лето, шелковистая бахрома вечно шумящих лиственниц не могла не пленить воображение мальчика. Эти первые детские ощущения окружающего мира открывали ему красоту земли, ложились со временем в основу необычайно емкого слова — Родина.

Развитию этих первых детских впечатлений в значительной степени способствовала атмосфера, царившая в семье Киренских. Василий Васильевич Киренский — амгинский пашенный крестьянин был незаурядным человеком, образованный, обладавший независимым сильным характером. В памяти односельчан он сохранился не только как примерный хозяин, у которого можно было многому научиться, получить помощь в защите интересов крестьян / “Крестьянским адвокатом” звали его односельчане /, но и как смелый человек, убежденный безбожник. Односельчане не могут припомнить случая, когда бы Василия Васильевича Киренского видели в церкви, но они помнят другое : когда на пасху или рождество амгинский священник Степан Логвинов, совершая подворный обход паствы, заходил в дом Киренских, Василий Васильевич снимал со стены икону — дань традиции и бросал ее к порогу.

Василий Васильевич воспитал в детях не только трудолюбие, но и равный интерес к чтению, к книгам, он был первым учителем своих детей / к 5 годам Леня Киренский уже свободно читал / Но, пожалуй, больше всего детям запомнились длинные зимние вечера, когда вся семья собиралась вместе.

Сухие, как соль, снежинки с дребезгом ударялись в окна, шуршали в трубе, со двора доносился глухой лай промерзших собак, а в большой кухне у керосиновой лампы было тепло

и уютно, в эти часы в старом крестьянском доме звучали стихи.

Чаще всего это была "Ветка Палестины" Лермонтова. Их читала старшая дочь Василия Васильевича, а сам он брал гитару и негромко аккомпанировал:

Скажи мне, ветка палестины,
где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
ты украшением была?

Этими красивыми и грустными строками, которые Василий Васильевичу может быть напоминали о чем-то дорогом, безвозвратно потерянном, а в детях будоражили воображение образами далекой неведомой страны, так непохожей на их Амгу, и вошла в детский мир впечатлительного деревенского мальчика поэзия.

Безмятежное детство кончилось рано. Лене едва исполнилось шесть лет как умер Василий Васильевич. В жизнь входят первые заботы: старшая сестра училась в Якутске, младшая была совсем еще маленькой и требовала к себе внимания. Екатерина Васильевна единственная на всю волость акушерка часто отлучалась из дома. Но летом, когда наступали канюки, брат и сестра были неразлучными.

Уставшие за день от походов по окрестностям Амги, любили они вечером сидеть на высоком крыльце Амгинской больницы.

Из-за гор медленно выплывали облака, освещенные снизу лучами заходящего солнца, они принимали самую неожиданную окраску — от оранжево-красной до фиолетовой и даже черной. Безудержная фантазия Лены помогла видеть в их причудливых очертаниях сказочные башни и замки, огромных и страшных зверей, злых великанов, добрых богатырей. Он придумывал и тут же рассказывал разные истории. А потом эти ипровизации продолжались сами собой без относительно к виденному, принимая форму своеобразного состязания в изобретательности и вымысле невероятных событий.

Дочь Леонида Васильевича впоследствии говорила, что дар импровизации у него богатый. "В годы войны мы с отцом часто ездили на велосипеде на огород и вот во время этой поездки он рассказывал мне массу всяких историй, сказок в ответ на мои бесчисленные "почему"; некоторые из этих рассказов мне особенно нравились, я просила его снова мне рассказать, он повторял, но каждый раз по-разному. Немало радости доставлял он своими бесчисленными историями, сказками, стихами, находку придуманными и своим внукам".

Учителя в школе Пеступени, где стал учиться Леонид после переезда из Амги, прочили ему разное будущее. Преподаватель математики открыл в нем незаурядные математические способности к математике, учитель словесности видел в нем будущего литератора и старался поддержать и развить в своем ученике увлечение стихами.

А он, кроме всего прочего, увлекся шахматами / на первенстве города занимал призовые места /, играет в городской футбольной команде, первым приходит к финишу в городских соревнованиях по велогонкам, занимается гимнастикой, а в летние каникулы уезжает на ремонт телефонной линии.

Но все таки наиболее сильным увлечением в эти годы были стихи.

В 1923 и 1924 г.г. в литературном приложении к газете "Автономная Якутия" впервые печатаются несколько его стихотворений. Тематика их разная: это и героические, а порою и трагические события борьбы за советскую власть в Якутии, первые захватывающие проявления новой жизни. Одно стихотворение привлекает особое название; оно названо "Наука" "Таяжные огоньки" № I, 1923 г.

Наука - путь правды к свободе народа,
Наука - звезда среди темных небес,
И силе науки сдается природа,
Наука открыла нам много чудес.

И тьму вековую восхода лучами
Наука разрушит и мир озарит
И светлыми, ясными счастья стрелами,
Сияя, свободный народ одарит.

Забудутся войны, забудутся муки,
Настанет великий торжественный год,
И с радостной песней простертые руки
Приветствовать будут желанный восход.

И силы Великие вольной природы
Науке всезнающей дань отдадут,
Под общее знамя стекутся народы
И сояцем заблещут наука и труд.

Трудно судить какие мотивы заставляли обратиться к этой теме 13-летнего школьника из дальнего Якутска, города переживших два тяжелых года, города длительное время находящегося в блокаде белогвардейского генерала Пепелева, города, оторванного не только от центральных районов Сибири и России, но и зачастую от ближайших

Может быть они были навеяны той "атмосферой добывания знания", в которой жили мальчики, или еще чем-либо.

Оставаясь снисходительными к некоторым погрешностям формы стихотворения, в нем нельзя не заметить большого смысла, философии вполне современного звучания, этим стихам трудно не придать символического значения.

Огромное влияние на увлеченность Леонида поэзией оказало знакомство со стихами Драверта.

Самые различные суждения имеются об этом человеке: в пятнадцатом томе большой советской энциклопедии П.Л. Драверта характеризуют как ученого, который "внес большой вклад в советскую метеоритику". Академик Обручев писал о Драверте,

как о "Минералоге," крупном общественном деятеле и краеведе, археологе и исследователе многих районов Сибири, Урала, Поволжья. Во втором томе "Краткой литературной энциклопедии" он назван "Русским советским писателем". К.Э. Циолковский назвал его "мой дорогой и милый поэт и ученый ...", а В.И. Вернадский, ссылаясь в своих работах на авторитет дравертовских научных изысканий, добавляет к его имени — "мой старый друг".

Стихи бывшего политссыльного, попавшего в Сибирь еще юношей, неутомимого и пытливого исследователя недр Якутии, восторженного певца ее суровой и величественной природы очаровали школьника Леонида Киренского. Главным было то, что стихи эти поразили воображение сразу и навсегда.

Никто до этого так ярко не раскрывал красоту природы Якутии "Страны холодной, но живой". В стихах Драверта впечатления от окружающего, восприятия живописных пейзажей, прозрачной глади рек, радостных весенних картин не сводились лишь к переживаниям, в стихах Драверта Якутия предстает не только краем ссылки и тюрьмы, но и краем сказочно-богатым, краем величественной и своеобразной красоты.

Воздействие этих стихов было огромно не только потому, что они были талантливо, но они были еще и конкретны. Их образы были знакомы.

Многие стихи Драверта являлись как бы своеобразным продолжением его научной деятельности, размышлением о безграничной возможности человеческой мысли, проникающей в тайны вселенной. Острый взгляд ученого и поэта, открывающего загадочный мир космических пришельцев — метеоритов и падающих звезд, мир рудоносных пород и камней, вносил в юношеское восприятие величественных явлений мироздания эмоциональную, эстетическую окраску.

По воспоминаниям его бывших друзей можно представить себе следующую картину:

Морозная якутская ночь сыплет свой звездный иней. Горячее дыхание опадает пушистой изморозью, а мальчишки нетерпеливо возятся с самодельной техникой - простеньким телескопом, пытаются его установить на чердаке.

Вид звездного неба, приближенного нехитрой оптикой, ставит многочисленные вопросы, становится поводом для безудержной фантазии и совсем по иному воспринимаются строки дравертовского стихотворения, которое прямо здесь рассказывает Леониду в морозном сухом воздухе его голос казался необычно торжественным и трепетным, голосом таинственного пришельца :

Когда под смутною громадой древних гор
Медлительно скользит по небу метеор
И шелест слышится загадочный в эфире
Вперяя жадный взор в огнисто-дымный след,
И думаю о том, чего уж больше нет
О кончившем свой век каком-то малом мире
..... над гладами морей и паутиной рек
В холодной высоте своей завершая бег
В тончайший зыбкий прах распался плотный камень
И ярко озарив полуночную мглу,
В предсмертный краткий мир сопутствовал ему,
Как факел вспыхнувший чудесный алый пламень.

Этот чудесный алый пламень поэзии Драверта до конца дней не погасил в сердце Леонида Васильевича. К стихам как впрочем и ко всему, что он делал, Леонид относился серьезно. В это время у него появляется помощник и наставник местный поэт П.Н. Черных - якутский.

В школе Леонид участвует в выпуске стенных газет - огромных полос на всю стену; критический склад ума, чувство юмора проявляются здесь у него в полной мере. Большой популярностью среди учащихся и преподавателей пользуется его поэма о школьной жизни. Пишет тексты капустников, сценариев для "Синих блуз" и сам участвует в них и как режиссер и как исполнитель. Охотно читает стихи друзьям. Они им нравятся. В том, что Леонид впоследствии станет поэтом, друзья не сомневались.

В 1931 г. 22-х летним молодым человеком и молодым учителем, за плечами которого был стаж четырехлетней работы в школе, Леонид Васильевич отправляется в Москву на учебу в МГУ.

В его дорожном мешке вместе с другими вещами, необходимыми в будущей студенческой жизни, было старое стеганое пальто /жизнь в Якутии приучила его уважительно относиться к холоду/, старинная серебряная ложка – семейная реликвия и две тетради со стихами.

Пальто он вскоре отдал одному из своих товарищей – новых московских друзей, однокурснику, соседу по комнате в студенческом общежитии у Ильинских ворот и тем самым спас бывшего железнодорожника – рабфаковца, поскольку у того новое пальто с широким каракулевым воротником украли в университетской раздевалке в самом начале зимы.

Ложку Леонид с Наймом Мирясовым в один из безысходных дней их студенческой жизни отнесли в скупку, на вырученные деньги набрали пирожков и на несколько дней вперед досыта наелись.

А с тетрадками Леонид отправился к Александру Безыменскому. маститый поэт отнесся к стихам парня из Якутии внимательно, многие стихи Леонида Безыменский похвалил, но большую половину забраковал. Расспрашивал "кто", откуда", указал на слабые стороны стихов, уоедил почему они слабые, советовал больше работать, наблюдать и т.д.

Прощаясь поэт спросил: "А чем Вы еще интересуетесь, молодой человек?" Леонид сказал, что учится на первом курсе физического факультета МГУ. "Прекрасно, продолжайте учиться, а стихи от Вас не уйдут". на том они и расстались.

Об этом эпизоде – встрече с Безыменским нам рассказал А.И. Аркуша – школьный друг Леонида Васильевича. Через 20 лет Леонид Васильевич случайно встретился с ним на защите своей докторской диссертации. Вечером Леонид Васильевич с Н.С. Акуловым пришел на квартиру к старому другу, отметить это событие.

Друзья вспоминали свою юность, товарищей, дорогой их сердцу Иркутск. А.И. Аркуша спросил новоиспеченного доктора физико-математических наук: "Ну, а как Леонид со стихами, пишешь?", - "нет Щурка" и рассказал о встрече с Безыменским. Но в это "нет" Леонид Васильевич, видимо, вложил иной смысл. Стихи он продолжал писать, но только никому и никогда их больше не показывал, исключая может быть самых близких ему людей.

И все-таки мы должны быть благодарны Леониду Васильевичу за то, что в нем не угасло это увлечение и потребность, что он продолжал писать стихи, хотя и менее интенсивно. Во-первых, многие из известных стихов являются просто интересными, хорошими стихами, среди них есть изумительные лирические миниатюры, они волнуют и может быть даже заслуживают профессионального анализа и оценки специалистов. Я позволю себе привести одно из них.

Ты мой маяк и жизни кораблю
Все плыть к тебе и килем резать воды.....

Любимая, я так мечтать люблю
Мечто большой, одной тебя достойной

Тебя здесь нет, и тускл созвездий рой,
Ревет метель, как будто зверь голодный,
Тоскливо мне и даже город мой
Такой пустой, такой совсем холодный.

давно уж ночь а сна все нет и нет
Бежит луна на свой забытый ужин...

и так хочу увидеть синий свет
Твоих до боли ласковых жемчужин .

Проходит ночь, и близится восход.....

Скорей иди и светом ярче брызни !
мы будем петь и жизнь пустая пройдет
как песнь Земли, богатой силой жизни.

Во -вторых за то, что это увлечение сохранило в нем бесценный дар души удивляться прекрасному, сделало его интересным, непосредственным, обаятельным человеком, оказало неизгладимое влияние на его друзей, саратников по работе, учеников.

И, наконец, в третьих, эти самые стихи помогают глубже узнать отдельные стороны его деятельности, восстановить и понять факты его нелегкой напряженной жизни и главное они позволяют проникнуть в мир его мыслей и раздумий /радостных, тревожных, мучительных /. В те часы, когда он оставался наедине с самим собой.

О человеке судят по его делам даже тогда, когда эти дела значительные, весомые. Небезинтересно знать какие были пути, которые привели к этим свершениям ? Как узнать о внутренней драме идей, которые сопровождали человека на этом пути ? Как узнать об этом ? Те, кто скептически относился к замыслам Леонида Васильевича считали, что этому человеку просто во всем везет. Был ли он удачливым баловнем судьбы ? Случайны ли его успехи ?

Ретроспективный взгляд на историю многих его начинаний и свершений убеждают в обратном.

Жизнь Леонида Васильевича была насыщена борьбой. Борьбой со своими собственными сомнениями и поисками, борьбой с критикой и недоверием со стороны, борьбой с косностью традиций, эта борьба требовала от него напряжения всех духовных и физических сил и навсегда сопровождалась победами и удачами. И чем существеннее были результаты, тем большей была эта борьба. Леонид Васильевич не посвящал других в свои мучительные переживания и печальные раздумья, он оставлял их при себе, отдавал их стихам:

Жизнь - роман без редакторской правки
и на нашу ~~вдох~~ ^{вдох} ~~увы~~ ^{увы} не одну.
в детстве, помню мои бородавки
заговаривали на луну

на кладбище пустынно и жутко,
как ты страх от себя не гони.
что-то вдруг пошептала якутка
и представьте, исчезли они.
много песен с тех пор отзвучало,
бродит старость моя у окна,
привела на страницах журнала
свой упрямый затылок луна.
В бородавках опять неказистых
И хоть ~~здох~~, хоть так повернусь,
Безусловно, хожу в атеистах
И злых духов совсем не боюсь
Но порою бывает так жутко
И горят чьи-то злые огни,
Приходи же как прежде, якутка,
Пошепчи, пусть исчезнут они.

Стихи Л.В.Киренского лишний раз убеждают и позволяют судить об источнике его внутренних сил, которые на разных этапах жизни ставили Леонида Васильевича выше привычной человеческой незаурядности, которые позволили ему раскрыть свои способности и воплотить их в большие и добрые дела. Источником этих сил явилась любовь к Сибири и создание высокой ответственности перед нею, самого себя и дела, которое он делал.

Есть среди стихов Леонида Васильевича сравнительно большая, но незаконченная поэма "Шаги жизни", по замыслу это наверное должна быть вещь основанная на истории его жизни. Автор ее посвящает дорогие ему сердцу места Сибири. Видит какие разительные перемены произошли в это крае. Это его волнует и искренне радует. Но он замечает и другое. Видит как непростительно медленно и нерационально используются ее богатства.

И тем оольнее видеть, сознавая, что причиной этого нередко является бесхозяйственность, непонимание, косность, равнодушие.

нам добрый оставить положено след

За нами родившимся людям

А вот за Сибирь мы особый ответ
держат перед совестью будем.

Чтоб край этот прежде холодный, глухой

Стал самым прекрасным на свете

Известно, что у Леонида Васильевича в разное время его жизни имелась возможность остаться работать в Москве, вернуться туда, приглашали его и возглавлять большой институт в Москве. Когда Леонид Васильевич благодарил за эту честь и отказывался, его московские коллеги были в недоумении. Они не понимали его отказа, считали, что человек просто набивает себе цену. Они не понимали что может держать там его в Сибири.

А в Сибири было у него большое дело и те, кто понимал это, прониклись к нему еще большим уважением и доверием. Изменить этому делу он не мог и если бы жизнь пришлось начинать сначала, он повторил бы все снова . . .

И хочу, чтоб меня вновь октябрь золотой закружил
Чтобы снова в тиши в такт сердцами стучали колеса

О родная Сибирь !

И здесь долго работал и жил

И как дальше мне жить — для себя не оставил вопроса .

Цвет отчизны моей, цвет черемухи песней вернись,

Вот на крышах кресты, словно аиста крылья косые

И тебе моя кровь

И тебе мой песни и жизнь

Мать родная Сибирь —

Половина огромной России.

Эпиграфом к жизни Киренского, жизни многогранной, богатой своими свершениями, жизни без остатка отданной главному делу — становлению и развитию науки в Сибири заслуженно можно поставить строки его любимого поэта Драверта :

Пусть будет недолог твой жизненный путь,

Но можешь и ты лучезарно сверкнуть

Оставив живущим взволнованный след

Строитель, художник, ученый, поэт.